

П. И. МЕССАРОШЪ.

ФИНЛЯНДІЯ—ГОСУДАРСТВО

ИЛИ

РУССКАЯ ОКРАИНА?

Значеніе особыхъ учрежденій Финляндской окраины Россійской Имперіи.

DK
67.5
.FS
M48
1717

«Губерніи сіи со всеми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно изъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Государномъ обладаніи Россійской Имперіи и къ ней навсегда присоединяются».

(Изъ IV ст. Фридрихсгамскаго трактата 5/17 сентября 1809 г.)

«On a escamoté mon consentement».

(Слова Императора Александра II, сказанныя по поводу проведенія Финляндцами закона 1877 г. о монетной реформѣ въ Финляндіи. См. Бергъ, «Наше управленіе и наши сеймы». Томъ II, стр. 15).

INDIANA UNIVERSITY
C. ПЕТЕРБУРГЪ
LIBRARIES

Типографія В. В. Комарова, Цевскій, 136.
BLOOMINGTON
1897.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

2/22/83

Главѣйшія замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
13	9	финлядскіе	финляндскіе
17	5	г. Еленова	г. Еленева
20	6	этими	этими
28	31	сылается	ссылается
37	34	зимскіе	земскіе
45	7	такъ «Актъ	такъ и «Актъ
69	33	разсмотрѣнаго	разсмотрѣннаго
88	24	департаментъ	департамента
89	30	взвначать	назначать
103	2	Спренгспортена	Спренгпортена
134	10	разсмотрѣнію	разсмотрѣнію
140	17	никакіе	никакіе
165	19	пришествіи	прошествіи
185	30	требовать	требовать.
199	20—21	Laulu ja soitto juhlan 1886 г. sanat juhlan kon- sertin ja kansan juhlan lauluihin. Sorlavalu 1896.	Laulu-ja soittojuhla 1896. Sanat juhla-konsertin ja kan- sanjuhlan lauluihin. Sor- tavalu 1896.
—	22	праздникъ пѣнія и музы- ки—Слова	праздникъ пѣнія и музы- ки 1896.—Слова
221	24	но	то
225	25	экстрафискаловъ 4	экстрафискаловъ 5
—	26	10	11
226	6	304,323 р. 14 к.	304,324 р. 14 к.
228	24	рускальскомъ	рускеальскомъ
249	11	но этому суду	но во-первыхъ этому суду
250	22	Гражданскихъ и исковыхъ	Гражданскихъ—исковыхъ
269	(таблица)	Окружные суды	Окружные суды
271	12	актовъ по залогамъ этихъ имѣній	актовъ по залогамъ имѣ- ній
288	8	сесловій	сословій
293	15	сто	что
297	—	земщику	заемщику

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ газетѣ «Новое Время» мы, къ немалому нашему удивленію, прочли, въ статьѣ г-на Молчанова *«Дрятельность министерства юстиціи въ 1895 году»* (№ 7128 отъ 2/14 января 1896 г.) увѣренія автора, что съ открытіемъ архангельскаго окружного суда «настанетъ настоящій праздникъ судебныхъ уставовъ Александра II»; что *кромя мѣстъ кочевья «въ Европейской Россіи не будетъ ни кусочка территоріи, изъятой изъ дѣйствія этихъ уставовъ»*.

Неужели почтенный авторъ означенной статьи позабылъ, что не только съ открытіемъ архангельскаго окружного суда, но даже при распространеніи этихъ уставовъ «правды и милости» на *«мѣста кочевья»*, на картѣ Европейской Россіи все таки остается *цѣлый край* въ 365,590 ¹⁾ квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 2.483,249 ¹⁾ человекъ, пользующійся названіемъ *«культурной страны»*, въ которой принципы «правды, милости и гласности», присущіе судебнымъ уставамъ Императора Александра II, неизвѣстны, гдѣ до сихъ поръ царитъ устарѣлый шведскій судъ XVIII столѣтія, гдѣ *русское министерство юстиціи*, со всѣми своими благими начинаніями не имѣетъ никакого значенія! А вѣдь такая *русская окраина* существуетъ, и

¹⁾ Finlands. Stats-Kalender 1896 г. стр. 125; „365,590 кв. килом.“ указано въ этомъ календарѣ безъ площади Ладожскаго озера, съ этимъ же озеромъ пространство Финляндіи=373,612 кв. килом., а согласно статистическому ежегоднику Финляндіи стр. 4 за 1894 г. это пространство показано въ 373,604 кв. килом.

въ ней не одно министерство юстиціи не имѣть значенія. Въ этомъ *«культурномъ краѣ»* все русское чуждо, ко всему русскому относятся враждебно. Здѣсь достаточно быть русскимъ, чтобы на каждомъ шагу встрѣтить притѣсненія, неправду и злобу если не всего населенія, то всей интеллигенціи *безъ исключенія* и части простого народа, вкусившаго плоды мѣстнаго школьнаго *воспитанія*.

По истинѣ приходится удивляться, что въ то время, когда русское правительство и русскій народъ заслужили уваженіе чуть не всего міра, когда русская печать завоевала себѣ почетное мѣсто въ европейской литературѣ, когда русскихъ людей встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями даже въ такомъ отдаленномъ уголкѣ Индостана, какъ маленькій городокъ Маэ, и въ честь ихъ распѣваютъ русскій народный гимнъ на русскомъ языкѣ и украшаютъ городъ русскими флагами ¹⁾, въ самой Россіи существуетъ край, въ которомъ органы русской центральной власти не имѣютъ значенія, гдѣ не признаются русскіе законы, гдѣ русскіе не имѣютъ права служить въ мѣстныхъ войскахъ и разныхъ учрежденіяхъ и даже не имѣютъ права издавать русскихъ газетъ, гдѣ мѣстная пресса всѣми способами старается возбудить ненависть ко всему русскому, гдѣ, наконецъ, во время народныхъ празднествъ открыто въ рѣчахъ и пѣсняхъ проповѣдуется чуть не прямое возстаніе противъ русской власти. И все это дѣлается въ краѣ, который обязанъ своимъ существованіемъ и своимъ развитіемъ исключительно великодушію и безкорыстію русскаго правительства. Все это, повторяемъ, дѣлается *«въ культурномъ краѣ»* Европейской Россіи, близъ Петербурга—въ Финляндіи, на которую мы, русскіе, къ сожалѣнію, очень мало обращаемъ вниманія и почти ее не знаемъ. Правда, съ конца восьмидесятыхъ годовъ благодаря трудамъ истинно русскихъ людей, съ гг. Ординымъ, Коркуновымъ и Еленевымъ во главѣ, по немногу начинается разсѣиваться туманъ, окутывавшій долгое время эту часть Россійской Имперіи. Благодаря этимъ трудамъ, вызвавшимъ неудачныя опроверженія гг. Даніельсона, Мехелина, Германсона и друг., вполнѣ выяснилось господство въ Финляндіи сильной сепаратистской

¹⁾ Смотри статью гр. Ностица „Первое января 1896 г. въ Маэ“, приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ № 7208.

партіи, или вѣрнѣе сказать партіи «*финляндской независимости*», которая крайне энергично распространяетъ среди мѣстнаго населенія свое ученіе о *политической автономіи Финляндіи*.

Благодаря съ одной стороны единодушію, энергіи и ловкости финляндскихъ дѣятелей, а съ другой полному индиферентизму русской власти, ученіе финляндской партіи распространяется съ неимоверной быстротой.

Эту быстроту распространенія означеннаго ученія намъ пришлось лично наблюдать въ той части Финляндіи, которая еще во времена Великаго Новгорода была русской землей, которая окончательно присоединена къ Россіи Петромъ Великимъ, и только съ 1811 года вошла въ составъ Финляндіи, завоеванной Россіей въ 1809 г.

Въ первый разъ намъ пришлось посѣтить этотъ край въ 1870 году, а во второй—въ 1895 году, и въ это посѣщеніе прожить въ немъ болѣе года. Мы были поражены переменами, происшедшими въ теченіе этихъ 25 лѣтъ во взглядахъ, крестьянскаго населенія края. Мы увидѣли, что въ эти $\frac{1}{4}$ вѣка ненависть ко всему русскому приняла громадныя размѣры, и мы смѣло утверждаемъ, что при сохраненіи настоящихъ порядковъ, не только никогда не будетъ достигнуто желаемое сближеніе этой русской окраины съ Россіей, но напротивъ, въ недалекомъ будущемъ могутъ произойти крайне печальныя событія.

Причины такого явленія вполнѣ разъясняетъ г. Еленевъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1895 г. во Франціи, на французскомъ языкѣ: «*Les prétentions des séparatistes finlandais*». Изъ этой книги мы ясно увидѣли, что только благодаря существованію съ давнихъ поръ въ Финляндіи сильной партіи и дѣятельности «*особыхъ учреждений*» этого края могла произойти замѣченная нами переменна. Къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, до настоящаго времени на русскомъ языкѣ не было дано отчета объ этомъ крайне почтенномъ трудѣ г-на Еленева, равнымъ образомъ никто изъ господъ русскихъ юристовъ не нашелъ нужнымъ изслѣдовать вопросъ: насколько необходимо въ интересахъ не только Россіи, но и самаго населенія Финляндіи сохраненіе особыхъ учреждений этой окраины Россійскаго государства?

Сознавая вполнѣ слабость своихъ силъ, мы попытаемся пополнить этотъ пробѣлъ. Мы называемъ нашъ трудъ *попыткой*

рѣшенія приведеннаго вопроса, такъ какъ сознаемъ, что для разрѣшенія его требуются не наши слабыя силы и средства. Мы будемъ вполне счастливы, если нашъ трудъ возбудитъ въ истинно *русскихъ* юристахъ желаніе полного изслѣдованія дѣятельности «*особыхъ финляндскихъ учреждений*» и безпристрастнаго рѣшенія предлагаемаго вопроса.

Г л а в а I.

Основы ученія сепаратистовъ и дѣятельность финляндскихъ учреждений въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I.

Въ концѣ 1895 года въ продажѣ появилась книга, изданная въ Бордо на французскомъ языкѣ, *«Les prétentions des separatistes finlandais.—Aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande par Theodor Elenew»*.

Въ первыхъ двухъ главахъ этой книги ¹⁾ авторъ извѣстныхъ русской публикѣ сочиненій, изданныхъ въ 1891 и 1893 годахъ, *«Финляндскій вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ»* и *«Ученіе о финляндскомъ государствѣ»*, выясняя основы теоріи, пропагандируемой финляндскими публицистами и профессорами гельсингфорскаго университета, доказываетъ невѣрность этой теоріи и указываетъ на развитіе государственныхъ учреждений Финляндіи во время царствованій Императоровъ Александра I и Николая I. Такъ какъ всѣ эти вопросы были, предметомъ многихъ статей, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, то мы ограничимся самымъ краткимъ изложеніемъ ихъ.

По словамъ г-на Еленева, въ основѣ финляндскаго ученія лежатъ два главныхъ пункта:

1) Что на сеймѣ 1809 г. въ Борго, въ силу *соглашенія*, происшедшаго между Императоромъ Александромъ I и представителями великаго княжества финляндскаго, Финляндія была признана *отдѣльнымъ государствомъ, соединенныхъ съ Россіей общностью царствующаго дома*, на условіяхъ подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ состоитъ Норвегія по отношенію къ Швеціи.

2) Что, въ силу того же *двухсторонняго соглашенія*, были признаны, какъ *«основныя законы»* финляндскаго государства, бывшіе

¹⁾ Elenew. Les prétention des separatistes finlandais. Chap I—II стр 5—38.

въ то время въ силѣ шведскіе конституціонные законы, т. е. «Форма правленія 1772 г.» и «Актъ соединенія и безопасности 1789 г. ¹⁾».

Опровергая основы этого ученія, г-нъ Еленевъ ссылается на статьи 4 и 6 Фридрихсгамскаго мирнаго трактата, на регламентъ учрежденія, названнаго въ первоначальномъ французскомъ текстѣ—«*Conseil de regence*», а въ официальномъ русскомъ текстѣ, помѣщенномъ въ приложеніи къ русскому переводу шведскаго уложенія 1734 г. Правительствующимъ Совѣтомъ, переименованнаго въ 1816 г. въ Императорскій Сенатъ, и дѣлаетъ такой выводъ: если согласиться съ основами финляндскаго ученія, то приходится придти къ заключенію, что, признавъ торжественно шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 гг., Императоръ Александръ I тотчасъ же нарушилъ ихъ изданіемъ вышесказаннаго регламента правительствующаго совѣта (*conseil de regence*), состоящаго въ полномъ противорѣчій съ вышеприведенными конституціонными законами 1772 и 1789 годовъ; что такое нарушеніе этихъ, мнимо признанныхъ, законовъ систематически продолжалось какъ Императоромъ Александромъ I, такъ и его Преемникомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, изданіемъ собственной властью новыхъ законовъ, безъ всякаго участія сейма, который съ 1809 года ни разу не былъ созванъ въ теченіе *пятидесяти четырехъ лѣтъ*. Рядомъ многихъ цитатъ изъ различныхъ официальныхъ актовъ г. Еленевъ вполне ясно доказалъ, что сеймъ въ Борго 1809 г. имѣлъ лишь «совѣщательный характеръ», что онъ былъ созванъ лишь съ цѣлью узнать нужды завоеваннаго края. что никакого «соглашенія» между Императоромъ и народными представителями Финляндіи не происходило въ Борго, и что обѣщаніе, изложенное въ грамотѣ Императора Александра I отъ 15 марта 1809 г. сохранить «религію, коренные законы, права и преимущества» не было слѣдствіемъ какого либо соглашенія Императора и его новыхъ подданныхъ, а совершено въ силу «добровольныхъ и великодушныхъ побужденій Его сердца».

Это обѣщаніе Императоръ выполнилъ, утвердивъ шведское общее уложеніе 1734 года и церковный статутъ 1686 года. Эти законы были официально утверждены, а первый изъ нихъ

¹⁾ Elenew «*Las prétentions des séparatistes finlandais*», стр. 7.

даже переведенъ на русскій языкъ въ 1824 году, «для руководства многочисленному русскому населенію, живущему въ Финляндіи, а въ особенноти въ Выборгской губерніи». Что же касается до конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ, то таковыя, какъ не признанныя Императоромъ Александромъ I, *никогда не были оффициально* изданы въ Россіи, и ни въ одномъ изъ законодательныхъ актовъ Императоровъ Александра I и Николая I на эти законы не дѣлалось никакой ссылки и о нихъ не упоминалось. Поэтому совершенно правильно слѣдуетъ придти къ заключенію на основаніи всего изложеннаго г. Еленевымъ, что, вступая какъ завоеватель въ обладаніе Финляндіей и присоединяя ее «на вѣчныя времена» къ Россійской имперіи, Императоръ Александръ I остался Самодержавнымъ Государемъ, *власть котораго не была ограничена ни шведскими, ни какими либо другими конституціонными законами.*

«Не смотря на то, что въ Борго права Верховной Власти остались неприкосновенны, что сеймъ болѣе не созывался, и что новое управленіе водворилось, слѣдуетъ признать—говорить г. Еленевъ,—что сближенія Финляндіи съ Россіей не послѣдовало»¹⁾. Причины такого положенія, по мнѣнію г. Еленева, заключаются какъ въ томъ, что господствовавшій классъ—дворянство, а за нимъ духовенство и чиновничество, будучи шведскаго происхожденія, держались въ сторонѣ отъ всякаго сближенія съ Россіей, и напротивъ, пользовались всѣмъ, чтобы только ослабить связи, соединяющія Финляндію съ Россіей, такъ равно и въ томъ, что правительствующій совѣтъ, переименованный въ сенатъ, находился въ Финляндіи, что въ немъ засѣдали исключительно финляндцы и что шведскій языкъ оставался оффициальнымъ языкомъ края. Противъ такого ненормальнаго положенія дѣлъ, безпримѣрнаго въ исторіи, еще при самомъ завоеваніи края, высказывался бывшій въ то время генераль-губернаторомъ Финляндіи генераль Барклай-де-Толли. По его мнѣнію, для упроченія политической связи Россіи съ Финляндіей, необходимо было, чтобы правительствующій совѣтъ (нынѣ сенатъ Финляндіи) находился въ Петербургѣ и чтобы въ немъ предсѣдательствовалъ русскій сановникъ, или же чтобы генераль-губернатору была предоставлена, по дѣламъ полиціи, власть совершенно независимая отъ совѣта, и чтобы вопросы финансовые

¹⁾ Elenew. Les prétentions des seperatistes finlandais. стр. 27.

и таможня подлежали вѣдѣнію Министерства Финансовъ въ Петербургѣ.

Къ сожалѣнію, какъ это мнѣніе, такъ и мнѣніе другого генераль-губернатора, шведскаго перебѣжчика Спрентпортена, который предлагалъ, чтобы всѣ доклады Государю по дѣламъ Финляндіи дѣлались чрезъ подлежащихъ министровъ Имперіи, и чтобы черезъ нихъ же передавались генераль-губернатору Высочайшія распоряженія,—были отвергнуты. Сначала доклады по дѣламъ Финляндіи были поручены Сперанскому, но такъ какъ онъ не зналъ шведскаго языка, то его помощникомъ вскорѣ былъ назначенъ баронъ Ребиндеръ. Такой порядокъ продолжался не долго, и въ 1811 году была учреждена особая коммиссія, которой и былъ порученъ докладъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Государя. Эта финляндская коммиссія была учреждена по совѣту другого шведскаго перебѣжчика Густава-Морица Армфельда, который и былъ назначенъ предсѣдателемъ ея, а докладчикомъ сталъ баронъ Ребиндеръ. Въ 1826 г. финляндская коммиссія была переименована въ статсъ-секретаріатъ, и бывшій докладчикъ этой коммиссіи сталъ статсъ-секретаремъ. Съ 1834 г. онъ уже носилъ титулъ «министра статсъ-секретаря Финляндіи».

Итакъ, учрежденіе правительствующаго совѣта, переименованнаго въ сенатъ Финляндіи, въ которомъ засѣдали *исключительно финляндцы*, и назначеніе на постъ министровъ статсъ-секретарей *только финляндцевъ* совершенно устранило всякое вліяніе органовъ центральной власти Имперіи на дѣла Финляндіи. Такой порядокъ вещей не могъ создать сближенія завоеваннаго края съ Имперіей и не принесъ никакой пользы Россіи; но за то далъ возможность шведскому дворянству постепенно стремиться къ приобрѣтенію Финляндіей атрибутовъ самостоятельнаго государства.

Первымъ шагомъ на этомъ пути общихъ дружныхъ дѣйствій сената и новорожденной коммиссіи были хлопоты по сохраненію за шведскимъ языкомъ права официальнаго языка Финляндіи. До завоеванія Финляндіи Россіей, шведскій языкъ былъ официальнымъ языкомъ края, вслѣдствіе того, что Финляндія была шведскою провинціей. Обстоятельства перемѣнились; съ 1809 года эта провинція стала «собственностью» Російской Имперіи, стала русскимъ краемъ, поэтому казалось бы совершенно естественнымъ, чтобы съ этого времени официаль-

нымъ языкомъ сталъ *русскій языкъ*. Не такъ думали финляндскіе воротилы; они понимали, что въ дѣлѣ сближенія народовъ языкъ имѣетъ громадное значеніе и, не смѣя дѣйствовать открыто, они тѣмъ не менѣе твердо шли шагъ за шагомъ по заранѣе намѣченному пути, и, должно сознаться, вполнѣ достигли своей цѣли. Въ моментъ присоединенія Финляндіи ни одинъ изъ вожаковъ шведской партіи не посмѣлъ просить о томъ, чтобы шведскій или финскій языкъ былъ «на вѣчныя времена» признанъ официальнымъ языкомъ края. Даже и «самъ Спренгпортенъ, бывшій въ началѣ (говорить г. Еленевъ) великимъ вдохновителемъ всѣхъ актовъ Александра I, въ чемъ таковыя касались дѣла Финляндіи, въ одномъ изъ своихъ представленій писалъ слѣдующее ¹⁾: «Дѣла будутъ обсуждаться, въ виду невозможности дѣйствовать иначе, на языкѣ, господствующемъ въ настоящее время въ краѣ; но когда заботами правительства будутъ учреждены школы, въ которыхъ будетъ преподаваться русскій языкъ, то этотъ языкъ, ставши въ свою очередь господствующимъ, будетъ введенъ въ официальную переписку одновременно съ финскимъ языкомъ, который и есть народный языкъ». Итакъ, шведскій перебѣжчикъ, далеко не другъ Россіи, находилъ все-таки что *русскій языкъ долженъ стать господствующимъ языкомъ*.

Вѣроятно, желаніе скорѣйшаго введенія въ краѣ русскаго языка и пониманіе, какое важное значеніе имѣетъ языкъ въ въ дѣлѣ сближенія народовъ, побудило Императора Александра I еще въ 1812 году издать законъ, по которому преподаваніе русскаго языка было признано «обязательнымъ» въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, и лица, желающія поступить на государственную службу, «обязаны были знать русскій языкъ». Для введенія этого закона назначался шестилѣтній срокъ. Такимъ образомъ съ 1818 года всѣ чиновники края должны были бы знать русскій языкъ. Эта мѣра не понравилась гельсингфорскому сенату и петербургской комиссіи, и вотъ, не смѣя настаивать на отмѣнѣ этого непріятнаго имъ закона, они начали дѣлать пробы постепенно парализировать этотъ законъ. Началось съ того, что въ 1824 году они добились въ видѣ «временной мѣры», освобожденія отъ знанія русскаго языка теологовъ, затѣмъ въ

¹⁾ Elenew. Les prétentions des separatistes, стран. 36.

1831 году отъ этой обязанности были освобождены. «впредь до новаго распоряженія», преподаватели гимназій и другихъ общественныхъ учебныхъ заведеній. Это распоряженіе дало основаніе послѣдовательно освободить отъ знанія русскаго языка и остальныхъ чиновниковъ края, кромѣ чиновниковъ канцеляріи генераль-губернатора и статсъ-секретаріата. Благодаря такому постепенному урѣзыванію закона 1812 года, преподаваніе русскаго языка въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ стало пустой формальностью, но о совершенной отмѣнѣ этого закона ни сенатъ, ни статсъ-секретари не смѣли заикнуться въ царствованіе Императора Николая I. Преподаваніе русскаго языка было отмѣнено въ царствованіе Императора Александра II въ 1863 году. «Правда, оно возстановлено въ 1872 году, хотя лишь на бумагѣ» ¹⁾).

¹⁾ Elenew. стр. 38.

Глава II.

Обзоръ автономнаго движенія въ Финляндіи и полемики финляндскихъ публицистовъ и историковъ съ русскими.

Главы III, IV, V, VI ¹⁾ г. Еленевъ посвящаетъ обзору проявленія автономнаго движенія въ Финляндіи и полемики, возникшей вслѣдъ за появленіемъ сочиненій г-на Ордина и другихъ русскихъ писателей. Въ виду того, что все изложенное въ этихъ главахъ извѣстно русской публикѣ по подлиннымъ сочиненіямъ русскихъ писателей и переводамъ финляндскихъ, мы ограничимся самымъ краткимъ изложеніемъ этихъ главъ, останавливаясь лишь на самыхъ выдающихся мѣстахъ.

Начиная третью главу, г. Еленевъ дѣлаетъ такой выводъ изъ всего изложеннаго въ первыхъ двухъ главахъ. Россія вступила въ обладаніе Финляндіей въ силу права завоеванія; никакого соглашенія между Россіей и завоеваннымъ населеніемъ не было; законы, которые Императоръ Александръ I обѣщалъ сохранить въ завоеванномъ краѣ, относились лишь къ «гражданской и духовной организаціи». Не было и вопроса о какомъ либо конституціонномъ правленіи въ завоеванномъ краѣ, гдѣ Императоръ остался Государемъ Самодержавнымъ. Затѣмъ онъ говоритъ, что хотя извѣстная партія и стремилась ограничить вліяніе центральныхъ управленій Имперіи на дѣла Финляндіи, но все-таки во время царствованій Императоровъ Александра I и Николая I финляндцы вообще признавали этотъ край Имперіи русской провинціей, хотя и привилегированной въ смыслѣ отдѣльнаго административнаго и судебнаго управленія, и никто не рѣшался оспаривать права Императора издавать законы для Финляндіи по собственному усмотрѣнію. Въ подтвержденіе такого мнѣнія г. Еленевъ приводитъ выписку изъ мемуаровъ барона Маннергейма (Mannerheim), воспроизведенныхъ частью

¹⁾ Elenew Chap. III—VI, стр. 38—98.